

Павел Иванович Мельников-Печерский

Непременный

Павел Иванович Мельников- Печерский Непременный

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377595
Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести,
рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей
Печерский).: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52030-5*

Аннотация

«Хаживал ко мне Андрей Тихоныч Подобедов – «непременный». Это значит, непременный заседатель земского суда. По уездам, с учреждения становых, вывелось старинное слово «заседатель», и непременного заседателя земского суда стали звать просто «непременным». Это было плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном с гербовыми пуговицами сюртуке и в мухояровых панталонах. Добрейший был человек, всякому старался услужить, а к службе до того был усерден, что хворал только в табельные дни...»

Павел Иванович Мельников-Печерский Непременный

Живя в богоспасаемом граде Бобылеве, познакомился я со всеми его обывателями, от городничего и соборного протопопа до сапожника Абросима и коллежского секретаря Маурина, что состоял под надзором полиции «за некоторые дебоши в одном из столичных городов Российской империи», как он выражался.

Хаживал ко мне Андрей Тихоныч Подобедов – «непременный». Это значит, непременный заседатель земского суда. По уездам, с учреждения становых, вывелось старинное слово «заседатель», и непременного заседателя земского суда стали звать просто «непременным».

Это было плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном с гербовыми пуговицами сюртуке и в мухояровых панталонах. Добрейший был человек, всякому старался услужить, а к службе до того был усерден, что хворал только в табельные дни. Что всего замечательнее – не пил.

Он из старинных столбовых, но захудалых, мелко-

поместных дворян. За отцом его по пятой ревизии в Д. губернии было записано двенадцать душ крестьян. С течением времени имение его «пропало без вести».

– Затерялось-с, затерялось, – с грустью и глубокими вздохами говаривал Андрей Тихоныч. – А теперь, пожалуй, душ двадцать пять народилось бы. Такое уж несчастье!., следов отыскать не могу. Пропали души, да и все тут.

– А земля-то куда ж девалась, Андрей Тихоныч?

– И земля затерялась...

– А документы?..

– И документы затерялись... Так-таки все затерялось. Что станешь делать? Видно, уж на то воля бо- жия.

– Что ж вы не хлопотали?

– Два раза пробовал, да толку не выходило. На гербовые только истратился. Еще, славу богу, по манифесту простили. Не то просто беда – разориться бы мог. Вот вы, Андрей Петрович, в Петербурге служите, стало быть, все знаете... Скажите, бога ради, не предвидится ль по скорости милостивого манифестика?

– Кто ж это, кроме государя, может знать?.. А вам что?

– Да еще бы разок попробовал: авось вывезет. А не вывезет, так по крайности тем бы был спокоен, что гербовых не привелось бы платить.

Родитель Андрея Тихоныча служил, по выбору дворян, в земском войске 1807 года и потому носил золотую медаль на владимирской ленте, мундир с малиновым воротником и шляпу с зеленым пером. Служил в Бобылеве по выборам до смерти, а умер без гроша. В наследство Андрею Тихонычу, кроме без вести пропавших двенадцати душ, достался домашний скарб, турецкий кинжал, ружье Лебеды да ста полтора книг екатерининского времени, большею частью разрозненных. Тихон Алексеич Подобедов жалел народ, оттого и помер нищим. Зато крестьяне всего Бобылевского уезда служили по нем панихиды, записали имя его в своих поминаньях. Старики до сих пор добрым словом его поминают.

Единственный его сын, Андрей Тихоныч, чуть не босиком бегал в уездное училище, а научившись там писать скорописью, был взят родителем из храма Минервы и введен во храм Фемиды, говоря классически, а если попросту сказать – родитель поместил его в первое повытье¹ бобылевского уездного суда. Тихон Алексеич говаривал: «уездный суд – всему начало и всему голова: тут молодой человек всему навикнет, тут и тяжёбные дела и уголовные, тут всего лучше начинать службу».

Года через три Андрей Тихоныч получал уже по со-

¹ Часть канцелярии, то же, что теперь называется «столом».

року пяти копеек в месяц жалованья. Каким богачом казался он товарищам! Те, получая такое же вознаграждение, были обязаны содержать кто мать-старуху, кто вдовую сестру с ребятишками, кто слепого отца, калеку. А Андрей Подобедов живет у отца на готовом! сыт, одет, обут, да еще сорок пять копеек в месяц... Богач!.. Шереметев!..

Еще при жизни родителя Андрей Тихоныч получил регистраторский чин и получал жалованья по девяноста по восьми копеек в месяц, без вычета на госпитали и раненых. Он уж обзавелся тросточкой и важно ею помахивал, прогуливаясь по дырявым тротуарам Бобылева, обзавелся зелеными замшевыми перчатками и на кровные денежки справил суконную шинель горохового цвета «с семидесятью семью воротниками» – верх щегольства того времени.

Счастливым, довольным и собой и миром двадцатилетний Андрей Тихоныч стал помышлять о подруге жизни. На уездных вечеринках присосеживался к Оленьке, дочери магистраторского секретаря, говорил ей про свое сердце, и хоть она ему про свое ничего не сказывала, однако ж Андрей Тихоныч смекал, что и красненькую ленточку на груди Оленька для него прикалывает и височки колечком потому приглаживает, что ему так нравится...

Вдруг его родитель, Тихон Алексеич, скушавши за

ужином шесть сковородок грибов в сметане, к утру лежал на том столе, где накануне кушал вкусные, сочные березовики. Он был первой жертвой первой холеры в Бобылеве... Остался Андрей Тихоныч один на своих руках. Еще слава богу, что ни за ним, ни перед ним никого не было: один как перст. А осталась бы обуза на руках – мать, например, аль сестры незамужние: не та б участь ему впереди была. Пустился б во вся тяжкая, спился бы с круга. Всегда так бывает.

Увидел, что на девяносто восемь копеек безо взяток жить нельзя. А взятки брать не выучился. Пробовал, да они мимо его к секретарю проскакивали. Ему работа, да на совесть гнет, а секретарю денежки. Горько стало Андрею Тихонычу. Об Оленьке и думать перестал, да и она, видя, что от него толку не будет, вышла за инвалидного поручика и зажила домком на счет солдатиков.

Тошно стало Андрею Тихонычу в Бобылеве. «Хоть землю, думает, буду копать, хоть воду стану носить, а перееду в губернию... Авось там другая мне линия выпадет».

«Экий я счастливец, – подумал он, когда совершенно неожиданно получил место в одном губернском присутственном месте. – Жалованье хорошее, и душа спокойна, оттого что взяток брать ни с кого не приходится. Знай, лупи, дери одну казну-матушку... А это

разве грех...»

Служил-служил Андрей Тихоныч, пряжку беспорочную выслужил, титулярного получил. Человек смиренный, покорный, безответный, каждое слово начальства, ровно слово из Неопалимой Купины, принимал. Оттого и начальство его возлюбило: каждый год Андрей Тихоныч получал наградные из остаточных сумм. От тех наград да от крупниц, что от казенной соли перепадали, составился у Андрея Тихоныча капиталчик тысяч в пять ассигнациями.

Однажды занимался он в кабинете его превосходительства, господина статского советника Александра Иваныча. И до сих пор в провинции статских советников зовут превосходительством, а это было еще в те времена, когда статским советникам давали Станиславские звезды без ленты. Как же со звездой-то да не генерал? – Сановник!..

Таким звездоносцем-сановником был Александр Иваныч фон-Кабрейт. Правил он много лет казенной палатой – казенная соль, винокуренные заводы, откупщики, рекрутские наборы, торги на поставки и подряды, купеческие свидетельства, казенные леса, оброчные статьи, перечисление душ – все под его властной рукой... И статьи-то какие все жирные!.. На пять, на десять таких сановников разделить – все бы сыты были... И разделили по времени – государственные

имущества в особую палату отвели и Василья Трофимыча над ними посадили. И Александр Иванович доходов не лишился, и Василий Трофимыч разбогател. А приехал в губернию в одной шинелишке.

– А что, – сказал Александр Иванович, когда Подобедов кончил работу. – Женат ты, Андрей Тихоныч?

Сроду впервые начальство по имени по отчеству его назвало. У Андрея Тихоныча в глазах зарябило: будто крестик в петличку подвесили. И то опять, о чем спрашивает его превосходительство, не по службе, а по делу, можно сказать, партикулярному.

– Никак нет, ваше превосходительство, – задыхаясь от душевного волнения, едва мог проговорить Андрей Тихоныч.

– Тебе бы, братец, жениться... Ты человек уж степенный.

Растаял Андрей Тихоныч.

– Как прикажете, ваше превосходительство, – чуть слышно пробормотал он.

– Приходи ко мне завтра вечерком... часу этак в восьмом... Слышишь?

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Да, оденься почище... К невесте поедем.

– Слушаю, ваше превосходительство, – не веря ушам, молвил Андрей Тихоныч.

Какая милость низошла по благодати божией! И на

мысль не впадало, во сне не грезилось!..

Ног не слышал под собой, когда в темную, дождливую осеннюю ночь крупно и спешно шагал он по липкой грязи, возвращаясь от его превосходительства в дальний конец города, где нанимал горенку у вдовой дьяконицы... «Какое счастье, какое вниманье начальства!» – думал он. Целую ночь заснуть не мог. Приходило в голову о невесте: «Кто бы такая была?.. – раздумывал он. – И собой какова, молода ль, не рябли, иль какого изъяну не имеет ли?» Мысль о милости начальства вытесняла, однако, нескромные мысли о невесте. «Ну ее совсем! Милость его превосходительства, вот это дело!.. По имени по отчеству! Вместе, говорит, поедем!.. Вместе!.. Да этого он секретарю не скажет!»

На другой день разодетый, распомаженный Андрей Тихоныч явился в назначенное время. Тотчас позвали его в кабинет. Александр Иванов одевался.

– Ты куришь? – спросил его превосходительство. – Гришка, трубку Андрею Тихонычу.

Если б коленопреклоненное королевство, долго и тщетно отыскивая себе властителя, – как, например, Испания, а в былые времена Польша, – со слезами и с рыданиями сказало д-ской казенной палаты столоначальнику: «Андрей Тихоныч, бери корону, царствуй над нами!» – едва ли б слова будущих верноподдан-

ных настолько смутили его душу, насколько смутили ее слова Александра Иваныча. Его превосходительство трубку табаку изволит предлагать!.. Сам изволит предлагать!.. Не сонное ль видение?.. Нет. Гришка сует ему в руку длинный черешневый чубук с громадным янтарем... Дрожат руки у Андрея Тихоныча, от умиленья и слезы в глазах и зелень туманом.

– Да ты садись, – молвил его превосходительство, застегивая помочи. – Садись вот здесь на диване. Покойнее будет.

Язык отнялся у бедного. Хотел что-то сказать, не смог. В блаженстве таял.

«Батюшка, батюшка! – думал он. – Видишь ли?.. Видишь ли ты, до какой чести дожил твой Андрюшенька?»

Слезы градом лились у Андрея Тихоныча.

– Что с тобой? – спросил Александр Иваныч.

– Так-с, ничего, ваше превосходительство. Покойника батюшку вспомнил...

– Похвально, молодой человек (а молодому человеку было за тридцать за пять). Действительно, в столь важную минуту жизни должно призвать благословение родителей... Хорошо, мой друг, хорошо!.. Похвально!.. – прибавил Александр Иваныч, целуя Андрея Тихоныча.

От полноты чувств коровой заревел Андрей Тихо-

ныч. Насилу отпоил его Гришка холодной водой.

– Садись, – сказал Александр Иваныч, когда Андрей Тихоныч, как столб, стоял на крыльце перед каретой его превосходительства.

«На козлы аль на запятки?» – пришло на ум Андрею Тихонычу. Лакей втолкнул его в карету.

«Батюшка, батюшка! – чуть не вслух сказал Андрей Тихоныч. – В-и-д-ишь ли?»

В первый раз в жизни он ехал в карете. И с кем?..

Приехали на «дачу». Так в губернском городе Д... у великих людей звались домики, где цвели роскошные цветочки... Цветочек Александра Иваныча – одна из многочисленных сестер Стрельских, что, служа по крепостному праву князю Кошавскому, служили с тем вместе кто Талии, кто Мельпомене, кто Терпсихоре в дощатом ветхом балагане. По святцам Пелагея, по театру Полина Ивановна, служила Терпсихоре, но, отбив об неровный пол театра резвые свои ноженьки, пятый год верно, нелицемерно служила Александру Иванычу. А он ее за то на волю откупил...

Видел Андрей Тихоныч ярко освещенные комнаты... Видел, как его превосходительство, с словами: «вот твой жених, Поленька», подвел его к грузной барыне в распашном капоте. Видел, как она сунула ему в губы жирную руку. Видел, как подали шампанское...

Как во сне. И как он с ума не сошел?.. Золотые ча-

сы, серебряная табакерка, енотовая шуба, а главное – милость начальства, и супруга, кажется, не строгая!..

Сыграли свадьбу, и зажили домком Андрей Тихоныч с Полиной Ивановной... И к Александру Иванычу по привычке Андрей Тихоныч, не с прежней робостью говорил с ним. А говорил нередко, потому что господин фон-Кабрейт, хотя свою Полину замуж и выдал, однако ж нет-нет, да, бывало, и завернет к ней вечером посидеть. О том, о сем покалякают, потом его превосходительство и скажет Андрею Тихонычу: «Что ты, братец мой, все дома сидишь? Съездил бы хоть в театр, что ли, аль к кому из знакомых. Отъезжай на моих дрожках, если хочешь». И поедет, бывало, в гости Андрей Тихоныч...

Месяца через три после свадьбы Полина Ивановна сына принесла. В тот же день навестил молодых Александр Иваныч: родильнице билет в тысячу целковых «на зубок» положил, Андрея Тихоныча крепко обнял и раз пять поцеловал.

– Ты ведь дворянин? – спросил его превосходительство Андрея Тихоныча.

– Так точно, – робко ответил Андрей Тихоныч.

– В родословную записан?

– Так точно, ваше превосходительство...

– Отец твой дослужился до дворянства?

– Никак нет, ваше превосходительство. Наш род старинный, столбовой, в шестой части родословной книги. И в бархатной книге записан, при Симеоне Гордом наши предки на Москву выехали. Так в нашей грамоте прописано...

– Очень рад, очень рад! – сказал Александр Иванович. – Стало быть, новорожденному не нужно, чтоб у тебя Станиславчик в петличке висел, или чтоб ты коллежским асессором был. Очень рад!.. А то в нынешнее время это немножко затруднительно... О сыне не беспокойся – бог даст, подрастет, дорога ему будет.

Сунул в руку Андрею Тихонычу ломбардный билет в десять тысяч ассигнациями, еще поцеловал его со щеки на щеку и уехал, говоря на крыльце счастливому супругу:

– Очень рад, что сын твой старинный дворянин, очень рад...

Подарил его превосходительство Полине Ивановне домик в Бобылеве. Ни на что он ему не пригоден был, и достался-то поневоле: за долг ли оставил его за собой Александр Иванович, другое ль что-то в этом роде было.

Подоспели дворянские выборы, его превосходительство говорит Андрею Тихонычу:

– Хочешь в Бобылев в непременноые?

Света не взвидел Андрей Тихоныч... Место, на ко-

тором отец его помер, про которое и мечтать не смел.

– Ваше превосходительство!., ваше превосходительство!.. – только и мог он выговорить, всхлипывая от подступавших рыданий...

– Я тебя выберу.

И выбрал.

В Бобылевском уезде Александр Иваныч сам-друг заправлял всем на выборах. Других крупных помещиков не было.

Бобылевский уезд обыкновенно присоединяли к Чернолесскому. Его превосходительство каждый раз, бывало, и говорит чернолесским дворянам: «По вашему уезду я буду класть, кому куда прикажете, а по «моему уезду» по-моему делайте. Ведь мне, а не вам с выбранными чиновниками придется три года возиться. Так уж вы сделайте милость».

Чернолесские по его и делали. Оттого в Бобылеве губернатора не столько трусили, сколько Александра Иваныча.

Таким образом его превосходительство и сделал Андрея Тихоныча неременным.

И как был ему он благодарен... Того ему и в голову прийти не могло, что Полина Ивановна поизмялась, и его превосходительству свеженькой захотелось, ради чего и выбрал он Андрея Тихоныча в неременные.

В первое наше свиданье спрашивает Андрей Тихоных меня, привставая со стула:

– Как в своем здоровье его превосходительство Александр Иванов, осмелюсь вас спросить?

– Какой Александр Иванов?

– Его превосходительства Александра Иванова не знаете? – с удивлением воскликнул Андрей Тихоных. Не могло у него сложиться мысли, чтоб кто-нибудь мог не знать его превосходительства. – Напрасно, напрасно, – говорил он, озадаченный моим вопросом, – человек известный. Да вы его в Петербурге должны были знать. Ведь он туда каждый год ездит, – прибавил Андрей Тихоных.

– Петербург не Бобылев, Андрей Тихоных. Мало ль там народу? Всех не узнаешь, – сказал я.

– Не имел счастья бывать в Петербурге, а надо полагать, что таких людей, как его превосходительство Александр Иванов, и там не очень много, – возразил Андрей Тихоных. – Пятьсот душ отличнейшего имени, статский советник, звезда!.. От самих господ министров почтен!.. Таких людей немного, очень даже немного... Это уж позвольте вам доложить... Не может быть, чтоб по всей Российской империи много было таких людей. Если бы его превосходительство продолжали службу, могли бы губернатором быть, даже министром, потому что ум необыкновенный.

– Отчего ж он не служит?

– Н-н-нельзя-с, – немножко помявшись, ответил Андрей Тихоныч.

– А что?

– Неприятность в некотором роде, – подсудность небольшая.

– А!

– Не подумайте, что за небрежение по службе. Нет-с. По злобе, единственно по злобе врагов. У кого их нет, Андрей Петрович?.. У всякого есть!.. А дело его превосходительства, можно сказать, самое простое: о казенной поставке.

– А! о поставке! Что ж, видно, поставка-то не поставилась?

– Правильно изволили сказать, но сами согласитесь, ведь соль – материал сырой. Мало-мальски водой ее хватит, тотчас на утек и превращается, можно сказать, в ничтожество. Его превосходительство Александр Иваныч об этом своевременно доносили по начальству: буря, дескать, и разлитие рек, и крушение судов. Следствие было произведено, и решение воспоследовало предать дело воле божией. А враги назначили переисследование. Тут воли-то божией и не оказалось. Понимаете?

– Что ж теперь поделывает ваш Александр Иваныч?

– Четвертый год старается, нельзя ли третьего следствия выхлопотать. Авось бы опять на волю божию поворотили...

И в своих и в казенных делах Андрей Тихоныч точен до самых последних мелочей. Любил порядок.

Верстах в двенадцати от Бобылева проживал в своей деревушке мелкопоместный помещик Чоботов Михайла Алексеич. Раз в сентябре приезжает к нему Андрей Тихоныч. Помещик рад; Андрея Тихоныча все любили. А все-таки член земской полиции, спрашивает хозяин: не по делу ль.

– Я ничего, сударь мой Михайла Алексеич. По соседству от вас был – у Лизаветы Ивановны; и к вам завернул «освидетельствовать» почтение.

Лизавета Ивановна, тоже мелкопоместная, жила в усадьбке верстах в трех от Чоботова.

– Ну, так милости просим. Как, по-вашему, за чаек, аль прямо за водочку? – спрашивает Чоботов.

– Благодарю покорно, Михайла Алексеич, я ведь на минуточку. Развяжите вы меня Христа ради с Лизаветой Ивановной... Будьте милостивы.

– Что такое, Андрей Тихоныч?

– Да вот какое дело, сударь ты мой. Год нынче вышел такой: гусей нелегкая больно много уродила. Кто, бывало, прежде цыплятами снабжал, нынче все гуся шлет, кто прежде свинью привозил, и тот нынче с гуся-

ми лезет. Такое, сударь мой, окаянство – просто беда. Гуся не охаешь, птица добрая, да расходу много проклятая требует, обжорлива очень. Колоть теперь рано: и перо слабо, и потроха не жирны, и сала немного... Откормить к Казанской да свезти в губернию, можно будет барыши иметь, да кормить-то, сударь ты мой, чем станешь?.. Самим вам, Михайла Алексеич, известно, какой нынче на овсы-то урожай. Вовсе их нет. И прежде-то ко мне немного овса подвозили, а нынче, поверите ли вы богу, воза порядочного не собрал. Ей-богу, право, не лгу... Что мне лгать-то?.. Я человек простой.

– Так что же вам, Андрей Тихоныч?.. Овса, что ли, велеть насыпать? – спросил Чоботов.

– Какой с вас овес! – с негодованием воскликнул Андрей Тихоныч. – Сохрани господи и помилуй овсом от вас взять!.. Как это можно!.. А вот мучки ржаной так пора бы прислать, Михайла Алексеич. Чать, уж обмолотились.

– Не намололи еще, Андрей Тихоныч.

– Ну ладно, дело не к спеху... Так вот я об Лизавете – то Ивановне. Вся у меня на нее надежда была, думаю, даст возик овсеца, гуси-то у меня и откормятся. Приехал к ней в Трегубово: «Так и так, мол, сударыня, не погуби гусей, дай овсеца». А она: «Рада бы радешенька, говорит, Андрей Тихоныч, не пожалела

бы для тебя, да ведь грех-от, говорит, какой у меня случился, овсы-то еще в бабках на поле, хоть сам погляди». – «Как же, говорю, Лизавета Ивановна, околевать, что ли, гусям-то?»

Помилуйте, говорю, матушка, колоть, что ли, мне их спозаранок-то? Изубытчусь ведь. Пожалей...» А Лизавета Ивановна: «Поезжай, говорит, к Михайле Алексеичу, у него овсы смолочены, он тебе не откажет». – Я ей и так и сяк... Нет, сударь, уперлась баба: поезжай да поезжай к Михайле Алексеичу, да и все тут... Уж я ей толковал-толковал, никак, сударь, под лад не дается. Баба так баба и есть, хозяйства понимать не может.

– Что ж, – сказал Чоботов, – коли надо, так я дам овса.

– Помилуйте, Михайла Алексеич... Да как же это возможно? Как же такие непорядки вводить? – с сердцем вскрикнул Андрей Тихоныч, с места даже вскочил.

– Какие же непорядки, Андрей Тихоныч?.. Не понимаю я вас, растолкуйте, пожалуйста.

– Сделать по-вашему – поля перемешать, хозяйство, значит, спутать. Разве это порядки? Скажите на милость, порядки это аль нет?

– Хоть убейте, не могу понять.

– Да разве вы не знаете, как у меня уезд-от поде-

лен? У меня вот как заведено, сударь ты мой, – важно и серьезно начал Андрей Тихоныч. – По сую сторону речки Синюхи все господа помещики на ржаном стоят, а по ту сторону на яровом. С вас, с Петра Егорыча, с Анны Никитичны беру ржаной мукой, а с Лизаветы Ивановны, с Егора Пантелеича – овсом, гречей, горохом. Как же мне с вас овсом-то взять, когда вы во ржаном поле стоите? Этак, батюшка, и концов не сведешь... Поля перепутать – хозяйство сбить.

Как Михайла Алексеич ни ублажал Андрея Тихоныча взять с него овсом, не согласился. Уперся, как баран в стену рогами, никаких резонов не принял. «Не спутаю хозяйства», – да и полно...

Покончили на том, что Михайла Алексеич послал Лизавете Ивановне овса взаймы, и она, как помещица яровая, отдала этот овес Андрею Тихонычу. Когда же, уладив дело, Михайла Алексеич хотел послать овес на своих лошадях в город к Андрею Тихонычу, тот не согласился и на том настоял, чтоб овес был отвезен к Лизавете Ивановне, а она бы уж его в город отправила.

Вот какой точный был человек Андрей Тихоныч.

И все в Бобылеве любили его, и он всех любил. Душа была у него самая мягкая, каждому был рад услужить, чем только мог. Чиновники, бывало, о нем: «А

наш-от блаженный! Он ничего. Пороху не выдумает, а человек тихий». Мужички в один голос: «Такого барины, как Андрей Тихоныч, ввек не нажить. И родитель был душа-человек, а этот и того лучше; всякому доступен, всякого по силе-возможности милует. Много за него господа молим».

А был же и у него враг. При всем благодущии, при всей кротости не мог Андрей Тихоныч говорить про него равнодушно. Это был бобылевский почтмейстер Егоров.

– Отчего вы не любите Ивана Петровича? – спросил я однажды Андрея Тихоныча.

– Нельзя мне любить его, Андрей Петрович... Он – злодей мой... Такую беду надо мной сделал, что представить себе не можете. Такая по милости этого подлеца со мной конфузия случилась., что вспомнить страшно!.. Ехидный человек! Самый злющий, самый жадный!..

Служение свое первоначально имел он в гусарском полку, по скорости исключен за пьянство. И как же теперь он злословит ихнюю гусарскую службу, даже вчуже обидно. Уверяет, якобы гусары не кутят, и что у них чуть кто выпьет да маленько пошутит, тотчас его вон из полка. «Хоть меня, говорит, взять – ну что такое я сделал? Выпивши, голый я по базару прошелся, и за это – хлоп! – из полка вон». Всячески злословит. «Ка-

кие, говорит, они кутилы, они, говорит, наперсточные кутилы, бабьими наперстками пьют». И здесь каждого человека обидеть готов.

На что я? На весь уезд пошлюсь, никто меня ни в чем не приметил. Так нет, и меня оскорбил по азартной своей нравственности. Да оскорбил-то как! Без ножа голову снял.

Покамест я по милости его превосходительства Александра Иваныча на сем месте «приустановлен» не был, проживание имел в губернии, а домик, что его превосходительство Полине Ивановне пожертвовали, отдавал под почтовую контору. Когда ж переехал в Бобылев, дому-то срок не вышел еще. Делать нечего, и от своего угла без малого два года в наемной квартире пришлось проживать, потому контракт, можно сказать, вещь священная.

А я, осмелюсь вам доложить, хоть на медные деньги обучен, но старших уважаю и долг почтения не забываю, для того что воспитан в страхе божием. Душу имею памятную, к благодарности склонную, для того, по христианскому обычаю, перед каждым праздником, не имея возможности, за отдаленностью расстояния, лично поздравлять его превосходительство Александра Иваныча, письменно свой долг исполняю. Придешь, бывало, на почту: Иван Петрович письмо примет, гривенник получит – я и спокоен. И

шло таким манером дело без мала два года.

Зачал меня «оброчным» звать. Встретится где, во все горло орет – через улицу, через площадь ли – все ровно: «Здравствуй, оброчный! Красна Пасха на дворе, оброк неси». А иной раз даже попрекнет: «Эй, ты, оброчный, к Вознесенью-то опоздал, смотри, брат, в недоимку со штрафом впишу».

А мне невдомек, что такое слова его означают. Какой, думаю, я ему оброчный? Под начальством не состою, зависимости не имею: какой же я ему оброчный? Раз даже в церкви, после обедни, таким прозвищем меня обозвал. Стали ко кресту подходить... Я, исправляя долг почтения, благородных с праздником поздравляю, и ему, подлецу, свидетельствую почтение... А он поклониться-то поклонился, да, ослабившись, при всех и бухнул: «Спасибо, оброчный, за поздравленье, и за оброк спасибо, что не запоздал»... Сердце меня взяло! Как же это в самом деле?.. В храме господнем, при городничем, при исправнике, при дамах, при всех благородных, вдруг меня таким манером хватил!.. Не вытерпел, сказал ему: «Милостивый государь мой, говорю, я столповой дворянин и потому у вас на оброке состоять не могу, а ваши слова, милостивый государь мой, для меня бесчестны». Вспылил туг я сам немножко, обидел его при всех: «милостивый государь мой» назвал. А он хоть бы что, нисколь-

ко не обиделся, точно не ему сказано. Да еще говорит: «Хоша ты и столповой дворянин, а все ж мой оброчный...» Я от него в сторону пошел, думаю: «господь с тобой, наругатель ты этакой».

Под конец контракта слышим – Иван Петрович у Спиридонова дом покупает и контору к себе переводит, чтобы, знаете, и наймом квартиры не харчиться, и с казны за контору деньги получать. Меня не прижимал, съехал даже до срока.

Уж и отделал же он дом-от. Хуже харчевни сделал его: стены сургучом измазал, полы перегноил. Просто, с позволения вашего сказать, такая была гадость, что уму непостижимо!

Вижу, надо поновить. Тут, благодаря бога, его превосходительство Александр Иваныч в свою вотчину проезжать изволили и по душевному своему расположению леску мне пожаловали, плотников прислали, конопатки, гвоздочков и другого железа, сколько требовалось. Поисчинил я крышу, стены поисправил; думаю, кстати уж и полы-то перестелю – плотники даровые. Тронули полы в большой комнате, где «приемная» была, гляжу: половицы-то еще хороши, поосели только, щели в палец шириной и больше. Оно, конечно, можно бы их и сколотить, да уж, видно, мне божеское напоминание было. Заколodило в голове: перестели да перестели. Что ж, думаю, перестелю, теплее

будет, да и черный-от пол заодно поисправлю, золой его забью, чтоб не дуло.

– Сымай, братцы, полы, – говорю плотникам, а сам точно под каким-нибудь предчувствием состою...

Как принялись за топоры, как запустили их под половицы, как пошла у них работа, поверите ли?., у меня мурашки по спине. И сердце-то болеет и в голове-то ровно туман... Точно как будто сейчас растворится дверь и войдет губернатор. «А сколько дел? А покажи-ка, распорядительный!..»

Вышел на двор освежиться. Слышу, плотники про бумаги толкуют. «Брось, – говорит старшой, – опосля все спалим».

Я к окну.

Что, мол у вас тут такое?

– Да вот, говорят, больно много бумаги под полом-то насовано... Надо быть, в эту щель совали.

– Давай, говорю, сюда. Что такое?

Высыпали они мне за окошко ворох страшенный... Угодники преподобные!.. Все-то письма, все-то письма!..

Которы распечатаны, у которых и печати целы. Одна печать – письмо не тронуто, пять – вскрыто. На адресах куши не великие: целковый, два, три, к солдатам больше, в полки.

А плотники подкидывают да подкидывают. Сот пять

накидали... Господи боже мой!.. Нет же у человека совести, и начальства не боится.

Стал я ворох разбирать, а самого как лихоманка треплет. Думаю: «Злодей-от ведь без разбора письма под пол сажал... Ну как я на государственный секрет наткнулся... Червь какой-нибудь, нуль этакой, какой-нибудь непременно, да вдруг в высшие соображения проникнет!.. Что тогда?.. Пропал аки швед под Полтавой! Ох, ты, господи, господи!..»

А ведь не кто, как бог. Сказано: «На кого воззрю? Токмо на смиренного». Так иное дело. Государственных-то секретов и не было!

Батюшки!.. Мое письмо!.. К его превосходительству!.. Варом меня так и обдало!.. Лучше б государственный секрет узнал!.. Злодей, злодей!

Раз, два, три, четыре... все шестьдесят восемь, все до единого! Ирод ты этакой!..

Хоть бы одно распечатал! Любопытства-то даже не было. Бесчувствие-то какое ведь!.. Слеза меня прошибла. Вот оно «оброчный»-от!.. Гривенники-то брал, а письма под пол да под пол... Значит, я ему в самом деле перед каждым праздником по гривеннику оброку носил.

Пропадай они гривенники!.. Его-то превосходительство, Александр-от Иваныч, что могут про меня сказать! «Неблагодарное животное», вот что могут ска-

зять!.. Как же это в самом деле?.. Без малого два года и ни одного почтения!., господи, господи!..

Собрал я письма, связал в узелок: марш в нову контору... Иван Петрович в засаленном, сургучом залитом халате письма принимает – день-от почтовый был... Он было мне: «здравствуй, оброчный!»

– Свинья ты, свинья, Иван Петрович! Бога не боишься и стыд забыл.

А он:

– Чем ты, оброчный, обиделся?

Я письма-то на стол, и говорю:

– Это что?

А он и в конфузию не пришел, только спросил:

– Аль полы перестилаешь?..

– Просьбу, говорю, подам, под закон подведу тебя.

Зло-то меня, знаете, очень уж взяло.

А он хоть бы бровью моргнул.

По малом времени, однако, заговорил:

– А я, говорит, допрежде тебя рапорт пошлю, что, мол, оставил я, при переезде на квартире, в доме титулярного советника Подобедова пост-пакет с доносениями к разным министрам, пакеты с надписью «секретно» да сто тысяч казенных денег... И он-де, титулярный советник Подобедов, тот пост-пакет похитил... Что тогда скажешь? А?

Я так и обомлел. Вижу, дело-то хуже секретов.

Хотел изловчиться: «У меня, говорю, свидетели есть».

А он:

– Плотники, что ли? Так я, говорит, их отстраню, потому что они у тебя в услужении. На это, брат, статья есть.

Вижу, нет у человека стыда в глазах... Плюнул, пошел вон.

– Как же теперь поздравляете Александра Ивановича-то? – спросил я.

– Сотских из суда гоняю.